

самолеты и стали поливать из пулеметов эту переправу. Мне пришлось срочно убегать. Иван остался там, на берегу реки Удай, вблизи Пирятина. Чем я мог тогда ему помочь?

Я прошел километров двадцать на Восток, куда шли все, и заметил, что некоторые солдаты стали уходить в сторону, к видневшимся вдали селам. Дело шло к вечеру, надо было подумать о ночлеге и мне. В крайнюю хату я постучал, но меня не приняли — там уже были постояльцы, во второй — то же, пустили только в третью, когда узнали что ранен.

Там уже «поселился» ярославец Дмитрий Сигарев, он стал моим спутником на несколько дней бродяжничества. Старуха дала мне чистую тряпочку, а Дмитрий перевязал руку. Хозяйка накормила, принесла соломы, постелила на полу, протопила печь, стало тепло. Спали, конечно, одетые. Утром, чуть свет, хозяйка сварила картошки, накормила нас и выпроводила. Из домов села выходили солдаты по одному, по два. Я все спрашивал, думая найти кого-нибудь из своей части, да где там! Шли остатки разбитых полков...

Что это было? А как же «нас не трогай — и мы не тронем, а затронешь — спуску не дадим»? Даже тогда, когда я сам пел в строю эту песню, я чувствовал в ее словах бахвальство. Да и немецкая пропаганда не дремала: всюду валялись листовки с призывами сдаваться в плен. На них были разные рисунки, и даже стихотворения, вроде: «Бей жида — политрука, морда просит кирпича». На рисунке изображена старая петровская пушка со сломанным колесом, справа — балерина на одной ноге, над ней цифра «100 000 рублей» и надпись: «Вот куда шли ваши деньги». Имелись ввиду Сталинские премии!

О качестве самолетов И-16, И-153 я и сам мог бы рассказать, потому что видел их в деле каждый день. Это были хорошие самолеты, но они уступали немецким